

Георг IV –

«Принц удовольствий»

Часть II

Елизавета Муромская

Смерть Георга III ознаменовала конец эпохи Регентства, а принц Уэльский стал 29 января 1820 года королем Георгом IV. И единственное, что занимает все его мысли, – любимым способом получить развод с ненавистной супругой, которая с 1814 года путешествует по Европе в компании со «слугой» Бартоломео

Пергами, который успел за это время приобрести чин полковника, титул барона Франсина и рыцаря Мальты, а также Великого Магистра Ордена Св. Каролины! Узнав о смерти дочери, Каролина Брауншвейгская поняла, что теряет последнюю возможность сохранить свое положение королевы, и решает вернуться

в Англию. Между супругами развернулась настоящая война на почве развода.

На самом деле еще до официального вступления на престол Георг собирал свидетельства неверности жены и пытался заставить своих министров лишить Каролину статуса королевы, расторгнув брак на своих

← Портрет принца-регента, впоследствии Георга IV. Худ. Томас Лоуренс. 1819 г. Ватикан, Рим.

Этот многократно тиражированный самим Лоуренсом парадный портрет можно назвать идеализированным. Впрочем, таковыми являются все парадные портреты. Портрет Лоуренса очень нравился самому Георгу, который объявил его своим официальным изображением. Правой рукой принц-регент словно указывает на ожидающую его корону Британской империи, которая стоит на так называемом «Столе великих полководцев».

→ Стол великих полководцев. Фрагмент. Севрская фарфоровая мануфактура, 1806-1812 гг. Фарфоровая масса, позолоченная бронза. Диаметр столешницы 104 см. Королевское собрание.

Так называемый «Стол великих полководцев» был создан по заказу Наполеона Бонапарта. Его столешница украшена портретами знаменитых военачальников древности, выполненных в фарфоре и имитирующих по форме античные камеи. В центре находится профильный портрет Александра Македонского, в чертах которого угадывается сам Наполеон. Вокруг него – 12 портретов античных полководцев. Принц-регент получил стол в подарок в 1817 году от французского короля Людовика XVIII.

Портрет Каролины Амелии Элизабет Брауншвейгской, принцессы Уэльской. Худ. Томас Лоуренс. 1804 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

условиях. В ту эпоху развод «по взаимному согласию» был невозможен. Единственным вариантом было уличение одного из супругов в прелюбодеянии. Для Каролины такой путь был абсолютно неприемлем. Обе стороны старались избежать огласки, поэтому переговоры происходили в строжайшей тайне. Представлявший интересы Каролины Генри Брум и правительство долго обсуждали соглашение, по которому при разводе она получала не обычный для жены наследника престола титул «*принцессы Уэльской*», а менее значимый – «*герцогини Корнуольской*». Со смертью Георга III ситуация еще более усложнилась, так как Каролина, по крайней мере номинально, стала королевой. В новом статусе ее положение, как это ни парадоксально, ухудшилось. Так, во время посещения Рима папа согласился принять ее только в качестве герцогини

Брауншвейгской, но не королевы Англии. Пытаясь вернуть себе привилегии, положенные по статусу, она и приехала в Англию.

Ситуация накалялась. Георг давил на правительство, но министры оттягивали принятие какого-либо решения, так как боялись общественного недовольства. Судебное разбирательство неизбежно должно было стать публичным, а его последствия были непредсказуемы. Каролине предлагали увеличить содержание на 50 000 фунтов, если она останется на континенте. Она не соглашается и 5 июня прибывает в Англию.

В силу разных причин королева стала номинальной главой растущего радикального движения, требовавшего политических реформ и выступавшего против непопулярного короля. В воздухе запахло бунтом. Несмотря на тревожные настроения в обществе, Георг IV отправил

в палату лордов два зеленых мешка, в которых находились свидетельства неверности королевы, собранные в Милане. 15 июня королевские гвардейцы подняли мятеж, который был довольно быстро подавлен, но правительство испугалось не на шутку. И все же 27 июня таинственные зеленые мешки были вскрыты, и начался так называемый «*процесс королевы Каролины*», который завершился 10 ноября 1820 года принятием билля о расторжении брака. Английское общество было на стороне «*несчастной королевы*». Во время процесса в парламент поступило более 800 петиций с почти миллионом подписей в ее защиту. В конце концов, Каролина была вынуждена согласиться на уже предлагавшуюся ранее сумму ежегодного содержания.

Сам Георг IV во время процесса предпочитал оставаться в Брайтоне в обществе своей последней любовницы леди Конингем, которой в ту пору уже исполнилось пятьдесят четыре года. По свидетельству герцога Веллингтона, Элизабет Конингем еще в 1806 году выказывала намерение стать любовницей принца Уэльского, но близкие отношения между ними завязались, по слухам, только в 1819 году, а летом следующего года она уже окончательно заняла место «*отравленной в отставку*» леди Хертфорд. Интересно, что муж новой королевской фаворитки – Генри Конингем, был одним из двадцати ирландских пэров, заседавших в Палате лордов, и поддерживал политику тори. Однако благодаря «дружбе» жены с принцем-регентом он получил титул виконта Слейна, графа Маунт Чарльза и маркиза Конингема. После восшествия Георга IV на престол влияние Конингема еще более возросло. 17 июля 1821 года

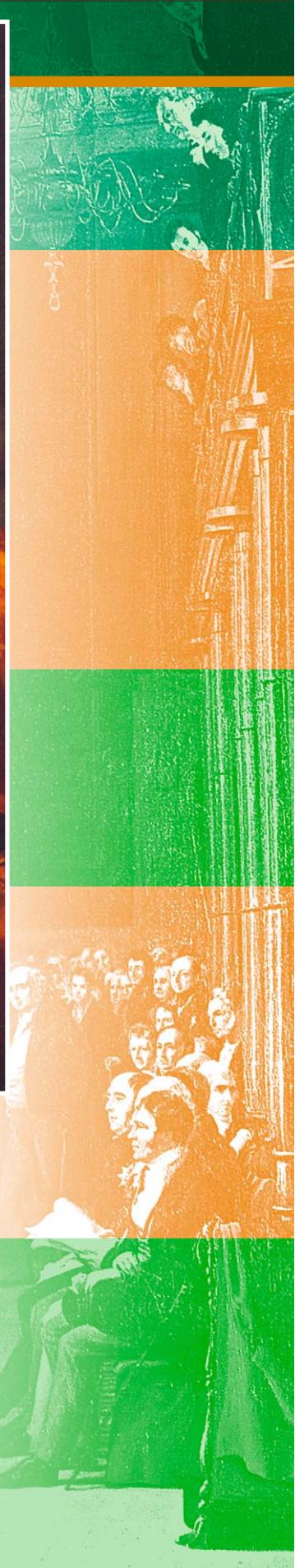

он стал бароном Минстерским и пэром Великобритании, а в декабре того же года – членом Тайного совета и Главным королевским камергером, а также капитаном,

констеблем и лейтенантом Виндзорского замка.

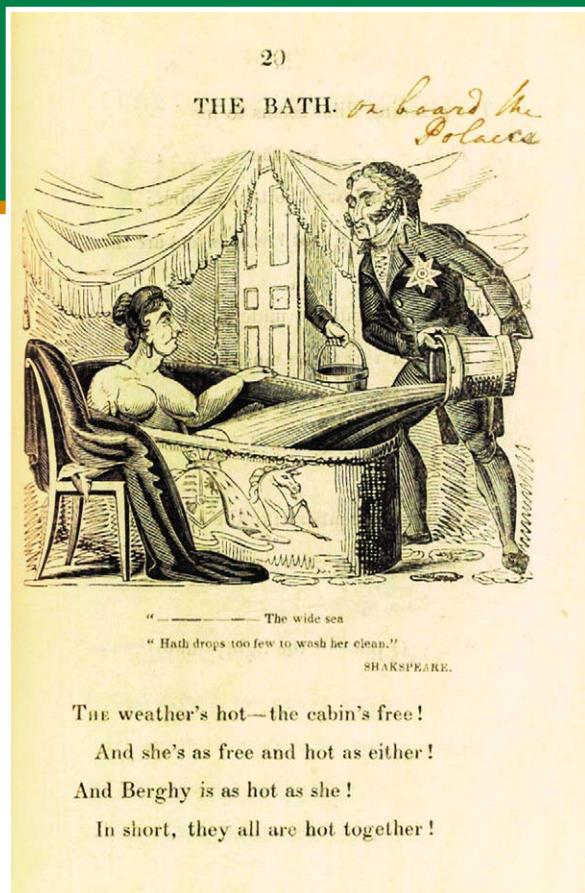
Леди Кониингем была признанной красавицей, в поклонниках которой ходил даже

В силу разных причин королева стала номинальной главой растущего радикального движения, требовавшего политических реформ и выступавшего против непопулярного короля. В воздухе запахло бунтом. Несмотря на тревожные настроения в обществе, Георг IV отправил в палату лордов два зеленых мешка, в которых находились свидетельства неверности королевы, собранные в Милане.

«Путешествие новоявленных пилигримов». Карикатура на принцессу Каролину и Бартоломео Пергами. Лондон, 1820 г.

русский царь Николай I. Ко времени сближения с Георгом она уже превратилась в пышнотелую матрону, что, впрочем, вполне соответствовало его вкусам. Карикатуристы и лондонские остряки соревновались между собой в высмеивании толстого старого короля и его такой же немолодой любовницы необъятных размеров. Впрочем, нельзя не согласиться с Д.-Б. Пристли в том, что их отношения вряд ли можно было назвать любовными в полном смысле этого слова. Скорее, это была нежная дружба, устраивавшая обоих. Ему необходим был душевный комфорт и ласка, а ей – деньги и влияние. Женщины находили леди Конингем «слегка вульгарной» и не слишком умной, а король, со всем пылом юношеского увлечения, считал ее «самой остроумной из всех известных ему женщин или мужчин». По-видимому, она была достаточно религиозна, но политикой не интересовалась, хотя и имела «сильную склонность к бриллиантам и деньгам», что в ее положении подразумевало хотя бы минимальную ори-

ентировку в политическом пространстве. Она старалась не нарушать правил приличия, поэтому никогда не оставалась с королем под одной крышей без сопровождения мужа. Как ей удалось так долго удерживать внимание короля? Ответ можно найти в книге «Воспоминания охотника» Грантли Ф. Беркли: «леди постоянно старалась поддерживать у него хорошее настроение», давая понять, что «в ее глазах он был соединением Сарданапала и Людовика XIV, Александра Македонского и Октавиана Августа, Алкивиада и Замечательного Крайтона¹». Даже мужчины с более выраженными мыслительными способностями, нежели Георг IV, с трудом могли бы устоять

A gentle jog into Jerusalem.
A Saint and Courtesan check by Jowl,
Set out strange Lands to see.

«Благородная поездка в Иерусалим». Карикатура Теодора Лейна на принцессу Каролину и Бартоломео Пергами. 1821 г.

¹ Джеймс Крайтон (1560–1582 гг.), прозванный Замечательным (The Admirable Crichton) – шотландский ученый, который, по свидетельству современников, говорил на двадцати языках, играл на нескольких музыкальных инструментах, и вообще обладал множеством способностей и талантов. Убит в возрасте 21 года.

«Длинная и короткая сплетня, или Целое предприятие». Карикатура Теодора Лейна на принцессу Каролину и Бартоломео Пергами. 1 января 1821 года.

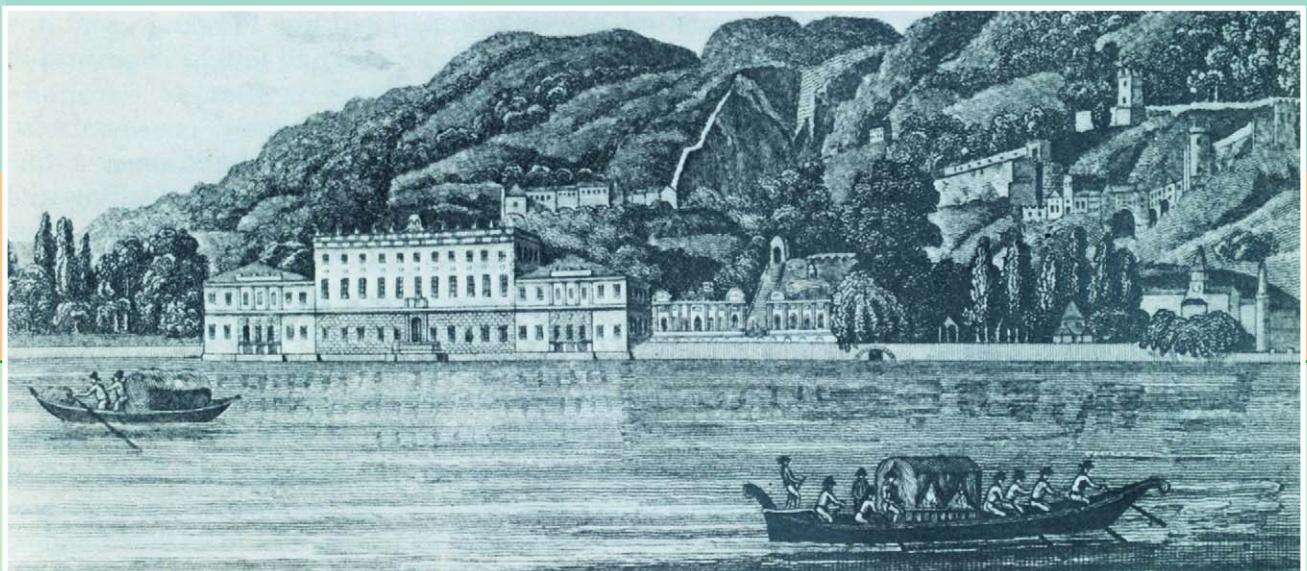
Отношение к Георгу, действительно, стало постепенно меняться к лучшему. Во всяком случае, 7 февраля в Друри-Лейн его приветствовали в течение трех минут. То же самое повторилось и на другой вечер в Ковент-Гарден, хотя с одной из галерей кто-то язвительно прокричал: «А где же ваша жена, Джорджи?» Видя перемену настроения в обществе, король и его советники поняли, что можно начинать планировать коронацию.

перед такой лестью, тем более исходящей из уст привлекательной женщины. А леди Конингем была не только красива, но и обладала, как говорят, «приятным музыкальным голосом, низким и нежным». Однако даже этот голос, «ежедневно питаемый маслом и медом», не смог заставить короля забыть все проблемы, навалившиеся на него в 1820 году. Зато следующий – 1821, год его коронации, был поистине великолепным.

Во время своего выступления в конце января на открытии сессии парламента Георг объявил, что «не смотря на волнения из-за временных обстоятельств, и в окружении бедствий, все еще преследующих большую часть моих подданных», он может быть «совершенно уверен в любви и верноподданнических чувствах» к своей персоне, и что эти «столь приятные его сердцу» чувства, он и будет считать «лучшие

и самой надежной гарантией его престола». Зная, какие настроения тогда царили в обществе, эти слова трудно воспринимать иначе, как обыкновенное нахальство и самодовольство. Однако, отношение к Георгу, действительно, стало постепенно меняться к лучшему. Во всяком случае, 7 февраля в Друри-Лейн его приветствовали в течение трех минут. То же самое повторилось и на другой вечер в Ковент-Гарден,

Вилла Д'Эсте – резиденция Ее Величества на озере Комо. Гравюра из книги «Воспоминания об общественной и частной жизни Ее Величества Каролины, Всемилостивейшей королевы Великобритании и супруги короля Георга IV» (1820 г.)

хотя с одной из галерей кто-то язвительно прокричал: «А где же ваша жена, Джорджи?». Видя перемену настроения в обществе, король и его советники поняли, что можно начинать планировать коронацию.

4 июля Тайный совет снова рассматривал дело королевы Каролины.

На этот раз – ее требование участвовать в коронации. В претензии этой ей было отказано, поскольку они с Георгом долгое время жили раздельно и фактически давно не являлись супругами. Забегая вперед, скажем, что 19 июля, несмотря на советы близких друзей, Каролина

все же отправилась в Вестминстерское аббатство, но перед ней просто закрыли двери. Интересно, что именно в этот момент она мгновенно утратила народную любовь: собравшаяся вокруг аббатства толпа сочла ее поведение «недостойным» и проводила карету улюлюканьем. Говорят, что именно это унижение сломило дух Каролины. В тот же вечер она слегла, и в течение следующих трех недель состояние только ухудшалось. Она умерла 7 августа 1821 года в возрасте пятидесяти трех лет. Точная причина смерти остается неизвестной. В свое время даже ходили слухи, что она была отравлена.

Для ее бывшего супруга день коронации выглядел совершенно иначе. Как писал Д.-Б. Пристли: «У Георга IV были свои недостатки, но никто не смог бы обвинить его в том, что он был плохим шоуменом, и это был его день». Для торжества «не пожалели ничего,

19 июля, несмотря на советы близких друзей, Каролина все же отправилась в Вестминстерское аббатство, но перед ней просто закрыли двери. Интересно, что именно в этот момент она мгновенно утратила народную любовь: собравшаяся вокруг аббатства толпа сочла ее поведение «недостойным» и проводила карету улюлюканьем.

Слева:

Прибытие в Бранденбург-Хаус лодочников с Обращением к королеве 3 октября 1820 года.

Цветная акватинта М. Дюбурга по оригиналу Роберта Боуiera. Национальный морской музей, Гринвич.

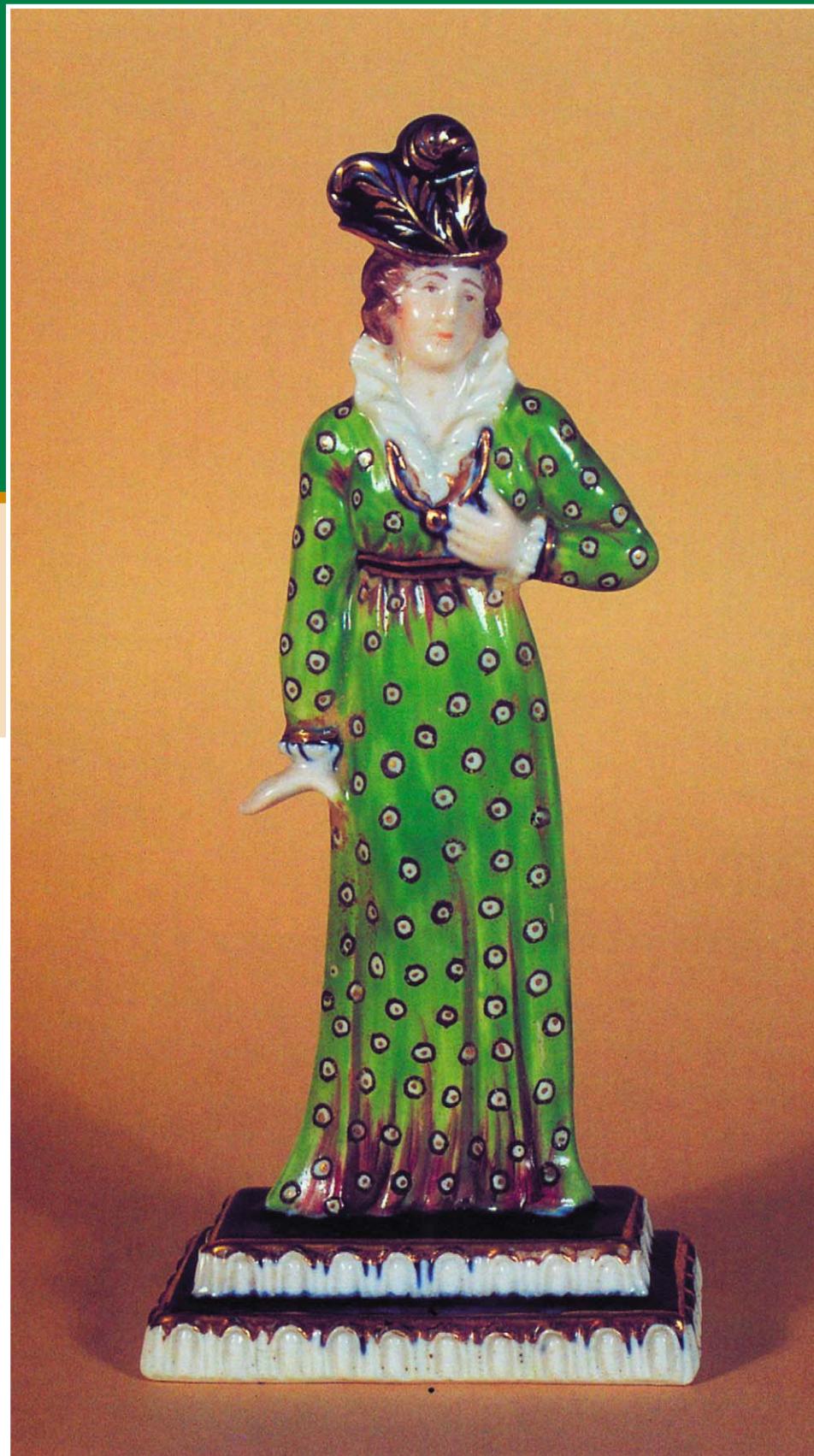
Бранденбург-Хаус – резиденция Каролины Брауншвейгской на Темзе. Все берега реки и поле вокруг дома заполнены ее сторонниками. В 1555 году актом парламента была учреждена «Компания лодочников и матросов» на Темзе. Лодочники Темзы несли ответственность за перемещение товаров и пассажиров. После возвращения Каролины с континента и начала разбирательства в парламенте лодочники преподнесли королеве Обращение со словами поддержки. Бранденбург-Хаус был снесен в 1822 году.

Справа:

Королева Каролина.
Фарфоровая малая пластика.
Стаффордшир, около 1820 г.
Королевский павильон, Брайтон.

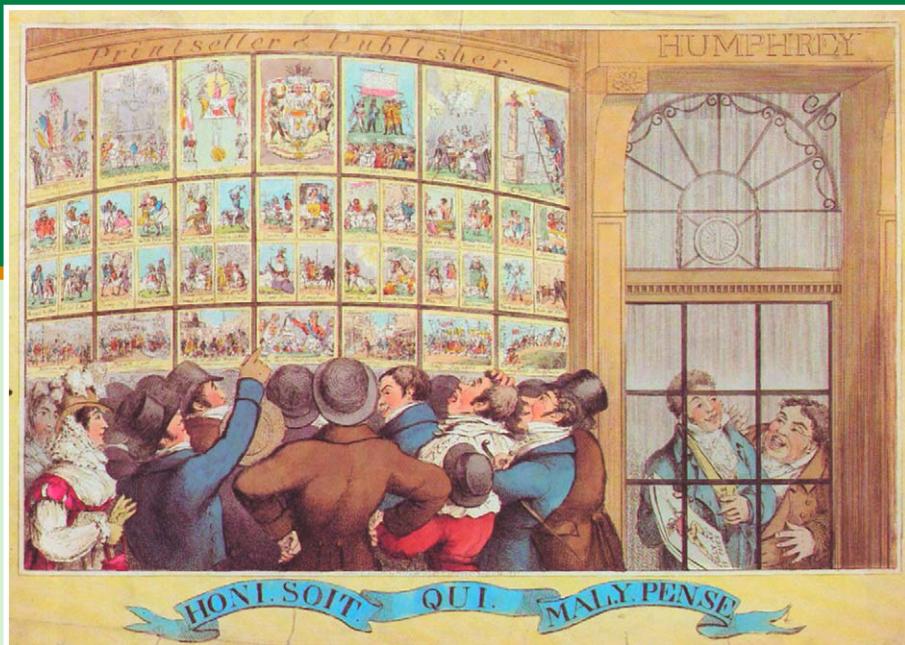
даже ушей подданных». Начиная с полуночи, каждые пол часа звонили колокола и палили пушки. Вестминстерское аббатство, сверху донизу задрапированное малиновой тканью с золотой отделкой, напоминало гигантский театр. Вестминстер-Холл, где должен был состояться праздничный банкет, изменился до неузнаваемости: поверх каменного пола был настелен деревянный, вдоль стен сделали деревянные ярусы галерей для зрителей (1 место стоило 20 гиней!), на всю длину зала поставили длинный обеденный стол для лордов и епископов, в южной части на возвышении под балдахином должен был восседать король, а в северной была сооружена триумфальная арка в готическом стиле для размещения музыкантов.

19 июня 1821 года в 10.25 утра в Вестминстер-Холл вступила торжественная процессия, возглавляемая королем. Его шлейф из малинового бархата с золотыми звездами был почти двадцать семь фунтов в длину. На черной бархатной шляпе колыхались белые страусовые перья. «Он поклонился, и это было, действительно, по-королевски. А когда

посмотрел в сторону жен пэров и иностранных послов, то выглядел при этом как какая-то великолепная восточная птица», – вспоми-

нал один из современников. Впереди торжественной процессии шли женщины, разбрасывающие цветы. За ними высшие сановники несли ко-

«Honi Soit qui Mal y Pense». Раскрашенная гравюра Т. Лейна. 1821 г.

«Honi Soit qui Mal y Pense» – девиз ордена Подвязки. Смысл этой фразы, написанной на старофранцузском: «Пусть стыдится тот, кто подумал об этом плохо».

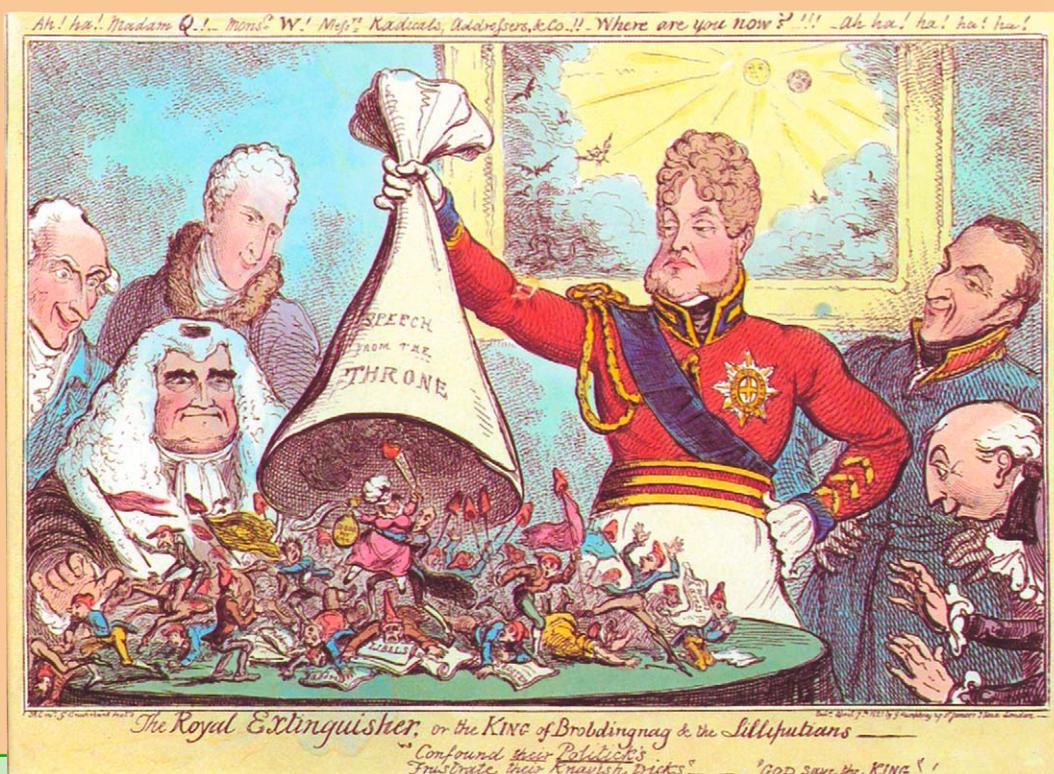
за торжественным обедом. Великий день завершился фейерверком и запуском воздушных шаров в Гайдпарке. Как писал Вальтер Скотт: «Еще ни один монарх не удостоивался такого всенародного приветствия», и это несмотря на то, что парламент выделил из их же собственных карманов на это грандиозное событие 243 000 фунтов. Кстати, коронация Георга IV обошлась в сумму, которая в три с половиной раза превышала затраты на коронацию королевы Виктории.

Возвращаясь к самому королю, вспомним, что леди Конингем сидела во время коронации на самом

рону, державу, скипетр и меч, а три епископа – дискос, потир и Библию. Далее следовали пары в официальных одеждах и члены Тайного совета в костюмах елизаветинских времен. Георг шествовал под золотым балдахином, который несли

бароны Пяти портов². Сама церемония настолько затянулась, что король почти обессилел. Только около 16.00 процессия вернулась из церкви в Вестминстер-Холл, где триста двенадцать человек присоединились к королевской семье

«Королевский огнетушитель, или Король Бробдингнег и лилипуты». Карикатура Джорджа Крушкенка. 7 апреля 1821 года.

Георг IV держит в руках гигантский колпак для тушения свечей, которым собирается накрыть толпу радикалов и «погасить» подстрекательство к бунту, инспирированное сторонниками королевы Каролины (сжимающей в руках мешок с 50 000 «отсутных»). Некоторые из бежавших радикалов вот-вот будут пойманы лордом-канцлером Эдлоном (сидит слева), одним из любимых королевских министров-тори. Сидмут и Каслрей (стоящие за Эдлоном), Веллингтон (справа от Георга) и Ливерпуль восхищены решительными действиями короля. Солнце-король рассеивает облака раздора, а солнце-королева погружается в сумерки.

² Пять портов – группа городов (Дувр, Сандвич, Ромни, Гастингс, Хайд) в юго-восточной Англии, пользовавшихся особыми привилегиями.

Портрет Каролины Амелии Элизабет Брауншвейгской, принцессы Уэльской. Худ. Джеймс Лонздейл. Около 1820 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

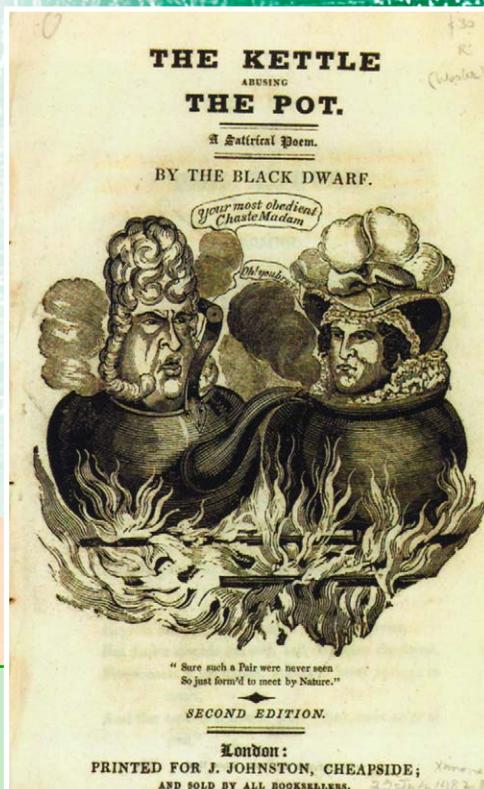

видном месте, и на протяжении всей церемонии Георг то и дело бросал на нее взгляд. Благодаря подобному поведению короля леди Конингем быстро заработала прозвище «La Regnanta»³ и «вице-королева». Свое большое влияние она мастерски использовала для осуществления личных честолюбивых целей и улучшения финансового положения семьи. Никаких политических амбиций у нее не было, хотя из-за ее

Великий день завершился фейерверком и запуском воздушных шаров в Гайд-парке. Как писал Вальтер Скотт: «Еще ни один монарх не удостоивался такого всенародного приветствия», и это несмотря на то, что парламент выделил из их же собственных карманов на это грандиозное событие 243 000 фунтов.

вражды с леди Каслрей – влиятельной жены министра иностранных дел и главы Палаты общин – постоянно возникали различные сложности на государственном уровне, особенно в отношении организации международных визитов короля. Также она сыграла важную роль в отставке сэра Бенджамина Блумфилда, занимавшего должность личного секретаря Георга и, одновременно, его секретаря по вопросам финансов⁴. Видимо, он не позволял леди Конингем запускать руку в королевский карман, а та только к этому и стремилась. Преемник Блумфилда, сэр Уильям Найтон,

«Чайник ругает горшок». Обложка сатирического памфлета Томаса Джонатана Вулера (Лондон, 1820 г.)

³ От «Queen Regnant» – царствующая королева.

⁴ На английском эта должность звучит как «Хранитель Личного кошелька» (Keeper of the Privy Purse).

Слушание дела королевы Каролины в 1820 году. Худ. Джордж Хейтер. 1820-1823 гг.
Национальная портретная галерея, Лондон.

Портрет Генри Брума, 1-го барона Брума и Во. Худ. Томас Лоуренс. 1825 г.
Национальная портретная галерея, Лондон.

был более стоворчив, и с ним у королевской любовницы сложился взаимовыгодный альянс.

Георг IV царствовал еще в течение почти девяти лет. В первые годы, когда еще позволяло здоровье, он посетил с визитом Дублин, Ганновер и, наконец, с трюфем прибыл в Эдинбург, где примерил шотландский костюм, в коем его запечатлел на знаменитом портрете сэра Дэвид Уилки. Здесь важно заметить, что Георг IV был первым английским монархом со времен Стюартов, который посетил Шотландию. Его царствование прославилось постоянной сменой кабинета министров и парламентскими спорами об *«ирландском вопросе»*, которые завершились принятием в 1829 году Акта об освобождении католиков, в результате которого ирландцы получили доступ в парламент.

Уже тяжело больной король проводил время между Брайтоном и Виндзором в приятной компании

леди Конингем, влияние которой закончилось со смертью сиятельного покровителя 26 июня 1830 года. Ровно через день жена Главного королевского камергера выехала из Виндзорского дворца и отправилась в Париж. В английском обществе судачили, что при этом она вывезла *«вагон вещей»*, однако, не-

Королева возвращается из Палаты лордов. Цветная акватинта М. Дюбурга. 1821 г.

Королевский павильон, Брайтон.

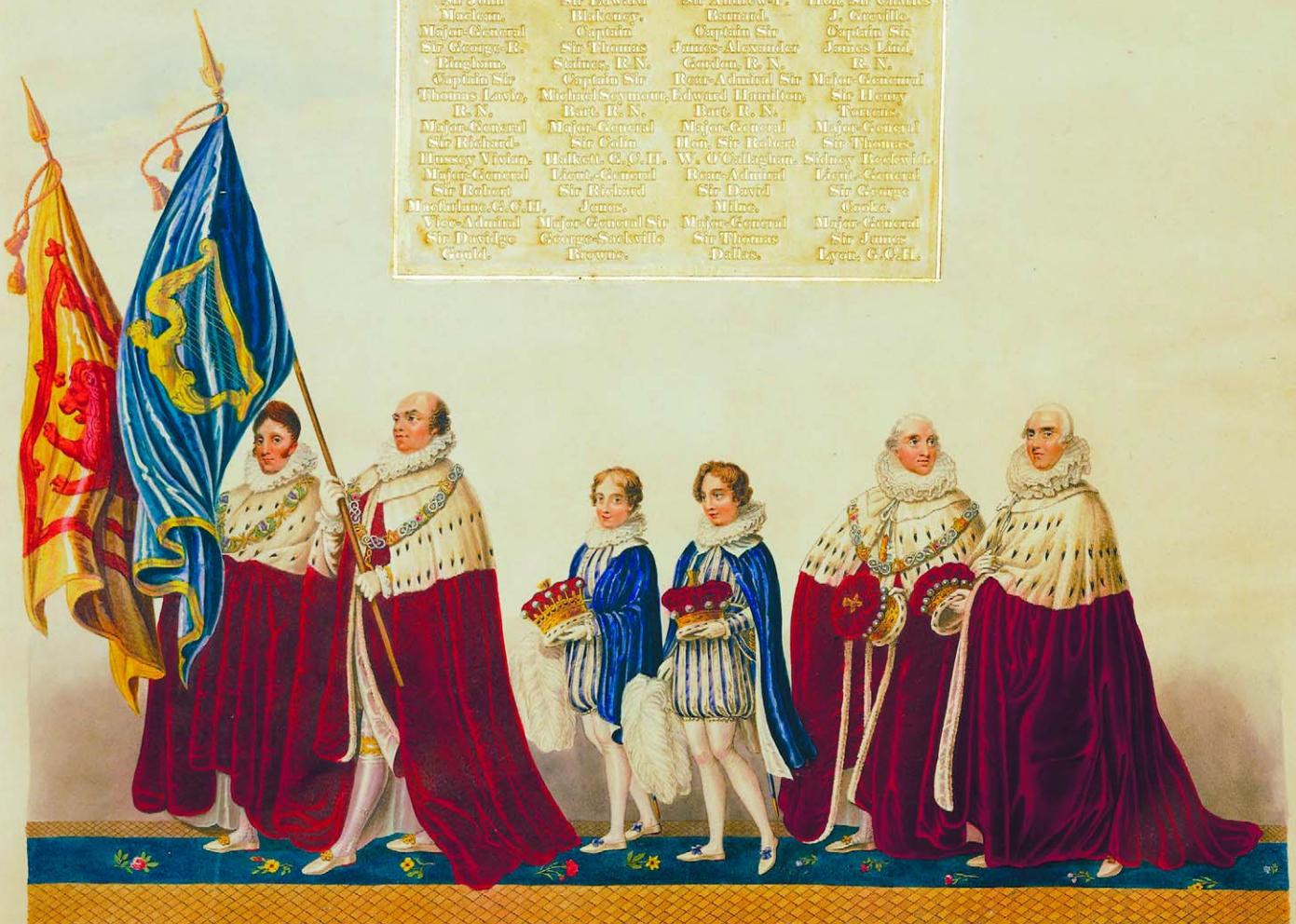
смотря на то, что Георг завещал ей все свое столовое серебро и предметы ювелирного искусства, она отказалась от этого наследства. По

Георг IV был первым английским монархом со времен Стюартов, который посетил Шотландию. Его царствование прославилось постоянной сменой кабинета министров и парламентскими спорами об *«ирландском вопросе»*, которые завершились принятием в 1829 г. Акта об освобождении католиков, в результате которого ирландцы получили доступ в парламент.

Ceremonial of the Coronation
KING GEORGE the Fourth.
ORDER of the PROCESSION

Lieut.-Colonel Sir Augustus S. Frazer.	Lieut.-Colonel Sir Richard Williams.	Lieut.-Colonel Sir Ulysses Burch- Colonel	Lieut.-Colonel Sir William M. Comm.
Lieut.-Colonel Sir George Sevyall, Colonel	Lieut.-Colonel Sir John May.	Sir Alexander J. Dickson.	Lieut.-Colonel Sir James Wilson.
Lord Fitzroy Somerset.	Lieut.-Colonel Sir Henry William Carr. Colonel	Lieut.-Colonel Sir John M. Dwyer, Colonel	Lieut.-Colonel Sir Jeremiah Dickson, Colonel
Lieut.-Colonel Sir George H. F. Brakeley.	Sir Henry Hardinge, Colonel	Sir Charles Sutton, Colonel	Sir Robert Acland, Colonel
Colonel Sir Archibald Campbell, Colonel	Sir John Colborne, Colonel	Sir Colin Campbell, Major-General	Richard Downes Jackson, Major-General
Sir John Maclean.	Sir Edward Bakerney, Captain	Sir Andrew F. Barnard, Captain	Hon. Sir Charles J. Greyville, Captain
Major-General Sir George R. Bingham, Captain	Sir Thomas Seaton, R.N. Captain	James Alexander Gordon, R.N. Rear-Admiral	Sir James Lind, R.N. Major-General
Captain Sir Thomas Lavis, R.N.	Michael Seymour, Bart. R.N.	Edward Hamilton, Bart. R.N.	Sir Henry Tomkins, Major-General
Major-General Sir Richard Blussey Vivian.	Major-General Sir Colin Halkett, G.C.H.	Major-General Hon. Sir Robert W. O'Callaghan.	Sir Thomas Sidney Brokeville, Lieut.-General
Major-General Sir Robert Macaulane, G.C.H.	Lieut.-General Sir Richard James.	Rear-Admiral Sir David Milne, Major-General	Lieut.-General Sir George Cookes, Major-General
Vice-Admiral Sir Davidge Gould.	Major-General Sir George Soakville Browne.	Major-General Sir Thomas Dallas.	Major-General Sir James Lyon, G.C.H.

Слева:

Страница из альбома Джона Уиттакера
«Церемониал коронации короля Георга IV»
(1821-1841 гг.)

Справа:

Церемониальное облачение члена Тайного
совета для коронации Георга IV. 1821 г.
Музей Лондона, Лондон.

рассказам леди Гранвилл, Париж был «взбу-
доражен», узнав о приезде последней коро-
левской любовницы, и даже нашел ее «все
еще красивой». В это мало верится, поскольку
во Франции чрезмерная полнота никогда не
считалась привлекательной. Муж леди Конин-
гем скончался в декабре 1832 года в их лон-
донском доме на Пикадилли. Она же дожила
до девяноста двух лет, пережив мужа, любов-
ников и почти всех своих детей, и сконча-
лась 11 октября 1861 года в собственном
доме в Бифронсе, недалеко от Кентербери.

Так каким же он был – Георг Август
Фредерик, старший сын и первый ребенок
Георга III и королевы Шарлотты, родивший-
ся в Сент-Джеймском дворце 12 августа
1762 года? Он так мало занимался государ-

ственными делами, и так много ел, пил,
ходил по театрам и клубам, с таким упо-
ением обсуждал фасон галстуков и цвет
обоев в спальне, что кажется порой самой
театральной фигурой на английском троне,
хотя о королеве Анне, например, вспоми-
нают только в связи с бренди («Брендивая
Нэн») или «стилем королевы Анны», а Карл II
запомнился романом с актрисой Нелл Гвин.

*«Сначала казалось, что нарисовать его
портрет не составит труда. Сюртук со
звездой, парик, под ним – лицо, расплыв-
шееся в улыбке; куском мела на грифельной
доске я мог бы хоть сейчас, не отходя от
стола, набросать нечто вполне похожее.
Но, прочитав о нем десятки книг, перево-
шив старые газеты и журналы, описываю-
щие его здесь – на балу, там – на банкете,
на скачках и тому подобном, под конец
убеждаешься, что ничего и не было, только
этот самый сюртук со звездой, и парик,*

Гербовая накидка члена свиты королевского
герольда для коронации Георга IV. После 1816 г.
Музей Лондона, Лондон.

Одевание герцога Сент-Олбанского для коронации Георга IV. 1821 г. Музей костюма, Бат.

человеком; и герцог Йорк был человеком, большим, грубым, горластым, веселым и бесстрашным ругателем. Но этот Георг – что он был такое? Я просматриваю всю его жизнь и вижу неизменными лишь поклон и улыбку. Пытаюсь разобрать его на составные части и нахожу только шелковые чулки, ватные прокладки, корсет, стюртук с позументами и меховым воротом, звезду на голубой ленте, раздушенный носовой платок, лучший каштаново-коричневый парик от «Труффитта», источающий масляные запахи, вставные челюсти, огромный черный галстук, один жилет, потом второй, третий и потом – ничего. Мне неизвестно, чтобы он когда-нибудь выразил какое-то чувство. Имеются подписанные им документы, но их составляли другие; сохранились его частные письма, но их писала чужая рука. Он ставил внизу страницы большими буквами: «Георг Р» или «Георг R» [Георг, Принц, или Георг, Король (от лат. *princeps, rex*)], – и полагал себя автором; а на самом деле это работа неизвестного писца, книгопродавца, писателя неизвестного человека, который заботился о правописании, исправлял корявые обороты и придавал расхлябанному, слезливому пустословию какой-то смысл, – эта блестящая характеристика принадлежит язвительному Теккерей, и она столь великолепна по стилю, что испытываешь физическую потребность подписаться под каждым словом. И здесь на помощь приходит Пристли, который осторожно напоминает о том, что Теккерей судит «Принца удовольствий» с позиции морализирующего викторианца («Обратите внимание на то, как он делает из принца-регента негодяя, а из Каролины – героиню, т.е. персонажей викторианской мелодрамы»). «Конечно, – писал Пристли, – регенту недоставало многих буржуазных добродетелей. Он был тщеславен, экстравагантен, пот-

и под ним – улыбающаяся маска; только одна пышная видимость. Его отец и деды были людьми. Мы знаем, что они собой представляли, на какие поступки в каких обстоятельствах были способны; знаем, что при случае они сражались и вели

себя как храбрые солдаты. У них были друзья по их вкусам, и их они любили; были враги, этих они всем сердцем ненавидели; у них были свои страсти, поступки, индивидуальности. Король-Моряк, который пришел после Георга, тоже был

Коронация Георга IV 19 июля 1821 года: торжественная процессия из Вестминстер-Холл в Вестминстерское аббатство. Цветная акватинта. Библиотека Гуилдхолл, Лондон.

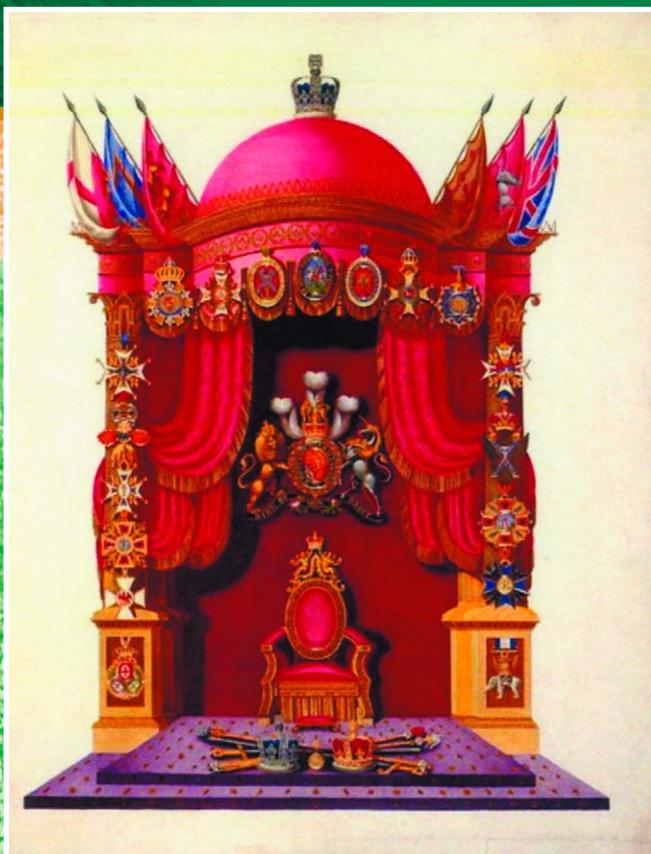
ворстовал своим желаниям, был ненадежен и не исполнял свои прямые обязанности... [..], однако по сравнению с другими монархами он был, бесспорно, остроумен, с забавными ужимками, болтлив (пожалуй, даже слишком), добр от природы, и имел широкий круг интересов. [...] К несчастью, он вышел, кланяясь и сияя, на историческую сцену в тот момент, когда обций фон был темным в результате грубого репрессивного правления, которое привело несчастную страну к бедственному положению. И вовсе не праздная любовь к удовольствиям заставила его игнорировать эти мрачные кулисы. Сам он не был бессердечным человеком, а вот его министры были таковыми. Из-за некоторой женственности и инфантилизма, свойственных его натуре, он частенько мог разрыдаться или просто уйти в себя, вместо того, чтобы до конца отстаивать собственную позицию. Он хотел нравиться окружающим людям, но слишком часто это были дурные люди. Несмотря на то, что, подобно многим другим королям и принцам, он был очень тщеславен, его тщеславие не сделало его жестким. Поэтому ему постоянно причиняли боль жестокие и оскорбительные атаки, как на него лично, так и на его различных любовниц-матерей, в которых он души не чаял. Таких грубых колких выпадов в персональный адрес не пришлось испытать ни одному монарху после него».

Интересно, что ни распутство, ни экстравагантные выходки, ни гигантские долги не повлияли на репутацию Георга так, как демон-

Интересно, что ни распутство, ни экстравагантные выходки, ни гигантские долги не повлияли на репутацию Георга так, как демонстративное равнодушие к жене и дочери. Несмотря на то, что Лондон был переполнен проститутками, многие из них с детства привыкли думать, что короли и принцы в своей частной жизни были образцами добродетели и верности долгу.

Аксессуары из церемониального облачения герцога Сент-Олбанского.

Страница из альбома Джона Уиттакера
«Церемониал коронации короля Георга IV»
(1821-1841 гг.)

Коронация Георга IV 19 июля 1821 года. ➔
1837 г. Раскрашенная гравюра.
Британский музей, Лондон.

ноту декору, пока в конце концов не появился его фантастический Павильон. Как до, так и после его разрыва с миссис Фицджерберт, его жизнь там – поздние вставания, верховая езда после полудня, званый обед или ужин каждые несколько дней – была в известной степени обыденной, а не разгульной. Распространенное мнение о том, что все это была одна огромная оргия, с попойками, беспутными девицами или смущенными девственницами, убегающими тайными коридорами, на самом деле в значительной степени – суший вздор».

По словам герцога Веллингтона, он «ни разу не встречал человека, в котором бы столь удивительным образом соединялся талант с фиглярством и добротой, создавая смесь совершенно противоположных качеств со значительным преобладанием хороших». Другой проникательный современник, Томас Филипс, подошел еще ближе к пониманию личности Георга: «Принц действует под влиянием каприза, ему не свойственно постоянство. Мне удалось кое-что понять о нем. Он способен дать правильный ответ на любой вопрос, но ни на чем не сосредотачивается. Собеседник или предмет занимает его всецело, но только до тех пор, пока не появится кто-то новый, или что-то новое. Его портной или сапожник заполняют весь его разум, пока что-либо другое не привлечет его

ративное равнодушие к жене и дочери. Несмотря на то, что Лондон был переполнен проститутками, многие из них с детства привыкли думать, что короли и принцы в своей частной жизни были образцами добродетели и верности долгу. А поскольку принц Уэльский совершенно явно нарушал все установленные правила, обывателю приятно было верить в то, что он был еще более развращен и несдержан, чем это было на самом деле. «В предшествующие Регентству годы, – писал Пристли, – он большую часть времени проводил в Брайтоне, где потворствовал своей расточительной страсти к строительству и усложнен-

Однажды он случайно услышал об одном офицере, который вернулся с семьей с континента и очень нуждался в деньгах. В то время у самого принца не было ничего, кроме долгов, но он все же ухитрился занять несколько сотен фунтов и отдал их тому бедному офицеру. Однако мотивом этого поступка была скорее не доброта, а всего лишь настоятельная потребность заглушить собственную тревогу за судьбу постороннего человека.

внимание...» Перед нами – портрет большого ребенка, который, выскользнув из-под опеки строгих родителей, стремился воплотить все свои детские мечты – стать центральной фигурой высшего общества, первым щеголем, первым любовником, первым наездником, владельцем самого роскошного дворца и лучшей конюшни и т.д. И при этом, несмотря на множество любовных связей, он являл собой полную противоположность мужчинам вроде Людовика XV, отличавшихся неумеренными аппетитами в сексуальной жизни. Все так называемые любовницы Георга были в большинстве своем старше его, и нужны были ему не для эротических приключений, а скорее для удовлетворения страстной потребности в «сентиментальной семейной жизни», т.е. таком укладе, который позднее вошел в моду во время царствования его племянницы Виктории. На самом деле Георг вряд ли был тем бессердеч-

ным распутником, каким его часто считали, а скорее мягкосердечным мальчиком-переростком. Он был не плохим человеком, а просто глупым и взбалмошным.

Ключ к пониманию сущности характера Георга дает одна история, случившаяся еще до того, как он стал принцем-регентом. Однажды он случайно услышал об одном офицере, который вернулся с семьей с континента и очень нуждался в деньгах. В то время у самого принца не было ничего, кроме долгов, но он все же ухитрился занять несколько сотен фунтов и отдал их тому бедному офицеру. Однако мотивом этого поступка была скорее не доброта, а всего лишь настоятельная потребность заглушить собственную тревогу за судьбу постороннего человека. На следующий день он мог уже и не вспомнить о несчастном, и промотать такую же сумму денег на какие-нибудь безделушки. У него было доброе сердце, но в голове был ветер.

«Конституционная монархия, – писал Пристли, – не может конкурировать с имперским правлением Карла V, Кромвеля, Людовика XIV или Наполеона. Монарх, ограниченный конституцией, управляет своим королевством только формально. Но он не просто подставное лицо или кукла-марионетка в натуральную величину. В спектакле, который разыгрывает его страна, он – ведущий актер, и как любой большой звезде ему не откажешь в особом очаровании. Он должен персонифицировать, насколько возможно, те качества, благодаря которым его соотечественники оказали влияние на развитие цивилизации. Его появления на публике, которые имеют мало общего с его частной жизнью, должны рождать ощущение тепла, света, энергии, представлять его королевство в лучшем виде. И если мы согласимся с этим, то тогда, как мне кажется, вместо того, чтобы отмахиваться от принца-регента, мы должны ему

рукоплескать». Со многими суждениями в этой цитате нельзя не согласиться. Действительно, родился Георг IV в другую эпоху, он мог стать «превосходным промоутером

богатой, процветающей нации, у которой во всех областях все хорошо». Но случилось так, что его расточительная страсть к удовольствиям сделала еще более явными

темные стороны английской жизни – разочарование, нищету и отчаяние. Таким образом, получилось, что человек, который не был холодным и злым, который страстно желал восхищения и любви, стал объектом насмешек, презрения и отвращения еще до того, как принял страну из рук своего выжившего из ума отца.

Его правление, действительно, пришлось на довольно сложный исторический период, однако по прошествии некоторого времени эпоха Георга IV (а это и период Регентства с 1811 по 1820 годы, и собственно время на престоле – до 1830 года) стала восприниматься чуть ли не самым светлым, веселым и во всех отношениях успешным временем. Возможно, именно благодаря бурным историческим собы-

Действительно, родился Георг IV в другую эпоху, он мог стать «превосходным промоутером богатой, процветающей нации, у которой во всех областях все хорошо». Но случилось так, что его расточительная страсть к удовольствиям сделала еще более явными темные стороны английской жизни – разочарование, нищету и отчаяние.

Слева:

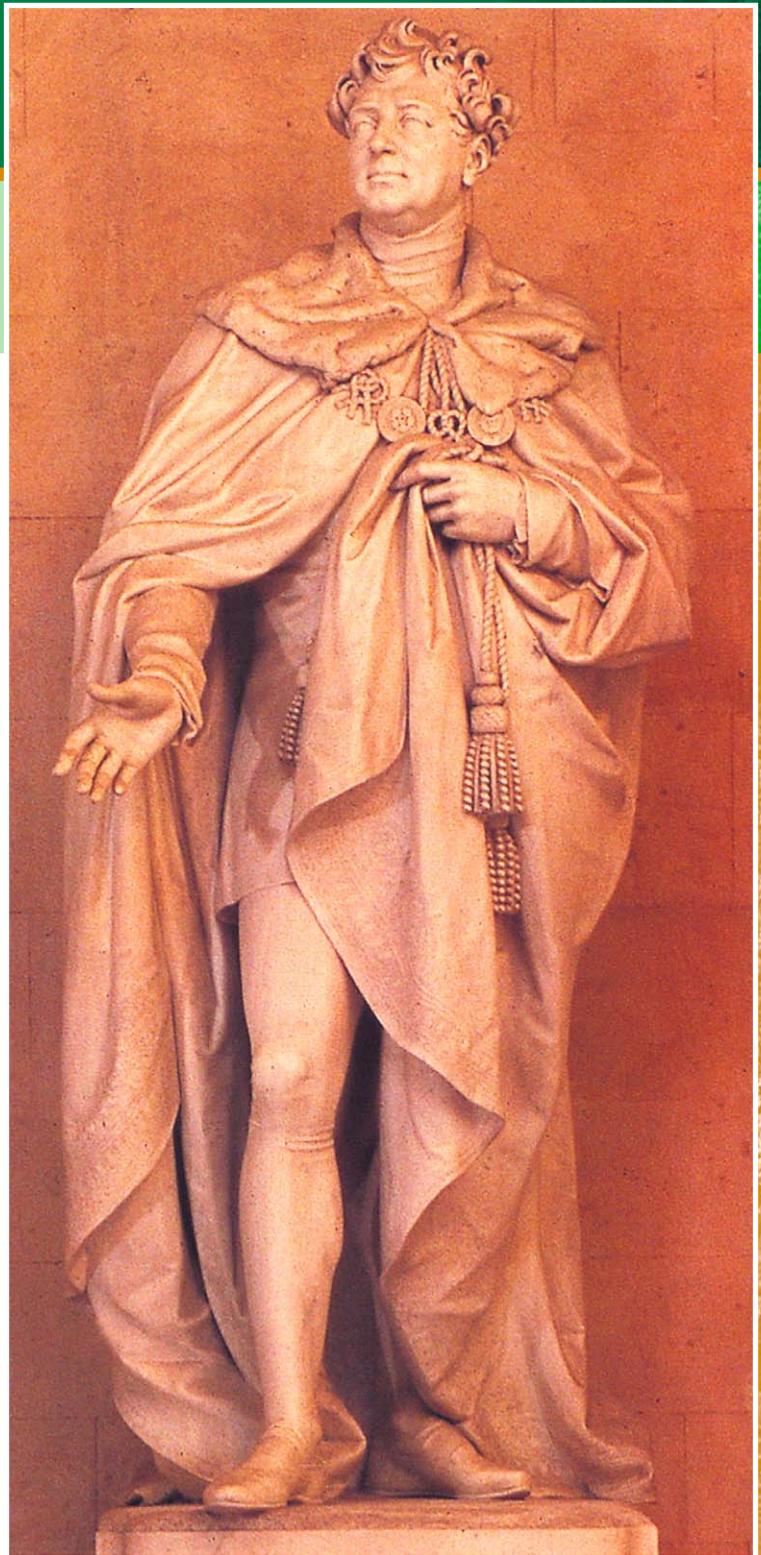
Коронационный банкет Георга IV в Вестминстер-Холл. Неизвестный английский художник. Около 1821 г. Музей Лондона.

Справа:

Король Георг IV. Скульптор Френсис Чантри. 1830 г. Белый мрамор. Королевское собрание.

тиям, и, прежде всего, Великой французской революции и последовавшим за ней наполеоновским войнам, начало XIX века стало для Англии периодом необыкновенной свободы и либерализма во многих областях жизни. Не случайно эпоху Регентства иногда называют *«удивительным перевалом между двумя высокими плато восемнадцатого века и викторианской Англии»*, когда элементы старого и нового времени существовали рядом.

В обществе не было единства взглядов, убеждений, какого-то общепринятого кодекса поведения, единого образца, которому следовало соответствовать. Крайняя степень элегантности и утонченности соседствовала с животной грубостью, пьянством и нищетой. На севере страны торжествовала промышленная революция, инспирированная изобретением Джеймса Уатта, а на юге луддиты под покровом ночи разбивали те самые машины. В то время как Веллингтон отправлял пятьдесят человек на публичную порку, Вордсворт любовался чистотелом. Джейн Остен посылала издателю свой «Мэнсфилд-парк», а леди Каролина Лэм лорду Байрону – лобковые волосы. Уилберфорс выступал с осуждением работорговли, а Красавчик Браммелл с той же степенью серьезности и страсти критиковал плохо завязанные галстуки. Иеремия Бентам проповедовал утилитаризм во всем, а Уильям Блейк переживал чудо сошествие архангелов. Писательница Ханна Мор издавала трактаты о нравственности и обучала детей *«хороших бедняков»*, а куртизанка Харриет Уилсон обучала секретам своего мастерства *«плохих богачей»*. Хамфри Дейви и Майкл Фарадей совершали научные открытия, тогда как большинство врачей продолжали лечить средневековыми методами. В Лондоне, где многие жители были убеждены, что даже катание на лодках в воскресенье – грех, молодые дворяне тратили в клубах до 25 000 фунтов за ночь, шестилетних мальчиков заставляли чистить дымоходы, а по улицам бродили четырнадцатилетние проститутки. Стоящие у власти тори пред-

принимали меры для пресечения любых оппозиционных выступлений, но одновременно с этим вокруг типографий собирались толпы хохочущего народа, обсуждавшего новые язвительные карикатуры на короля и министров. В те же самые годы английские парни, выросшие на кислом хлебе и гнилой картошке, изгнали маршалов Наполеона из Испании и вновь отвоевывали господство на морях. И над всем этими

Слева: Портрет леди Элизабет Конингем. Худ. Томас Лоуренс. 1824 г. Музей Гюльбенкяна, Лиссабон.

Справа: Вид Виндзорского замка с северо-запада. Лист 1 из серии «Шесть видов Виндзора». Худ. Франческо Бартолоцци. Акватинта, офорт. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва.

крайностями, всем разнообразием жизни первых десятилетий XIX века царила великая английская литература, переживавшая, впервые после Шекспира, подлинную эпоху расцвета: Джордж Гордон Байрон, Перси Биши Шелли, Джон Китс, Вальтер Скотт, Сэмюэл Тэйлор Колридж, Уильям Вордсворт, Ричард Шеридан, Джейн Остен, наконец!

Несмотря на язвительные пассажи Теккерея («Биографы рассказывают нам, что, начиная самостоятельную жизнь в новом роскошном дворце, принц Уэльский

Еще будучи принцем Уэльским Георг IV сделал все, чтобы его двор был поистине «блистательным», привлекая художников и архитекторов, размещая многочисленные заказы у ювелиров, портных, мебельщиков, декораторов. Благодаря аскетичному детству и легкомысленному тщеславию принц стал крупнейшим заказчиком, покровителем людей искусства и законодателем мод.

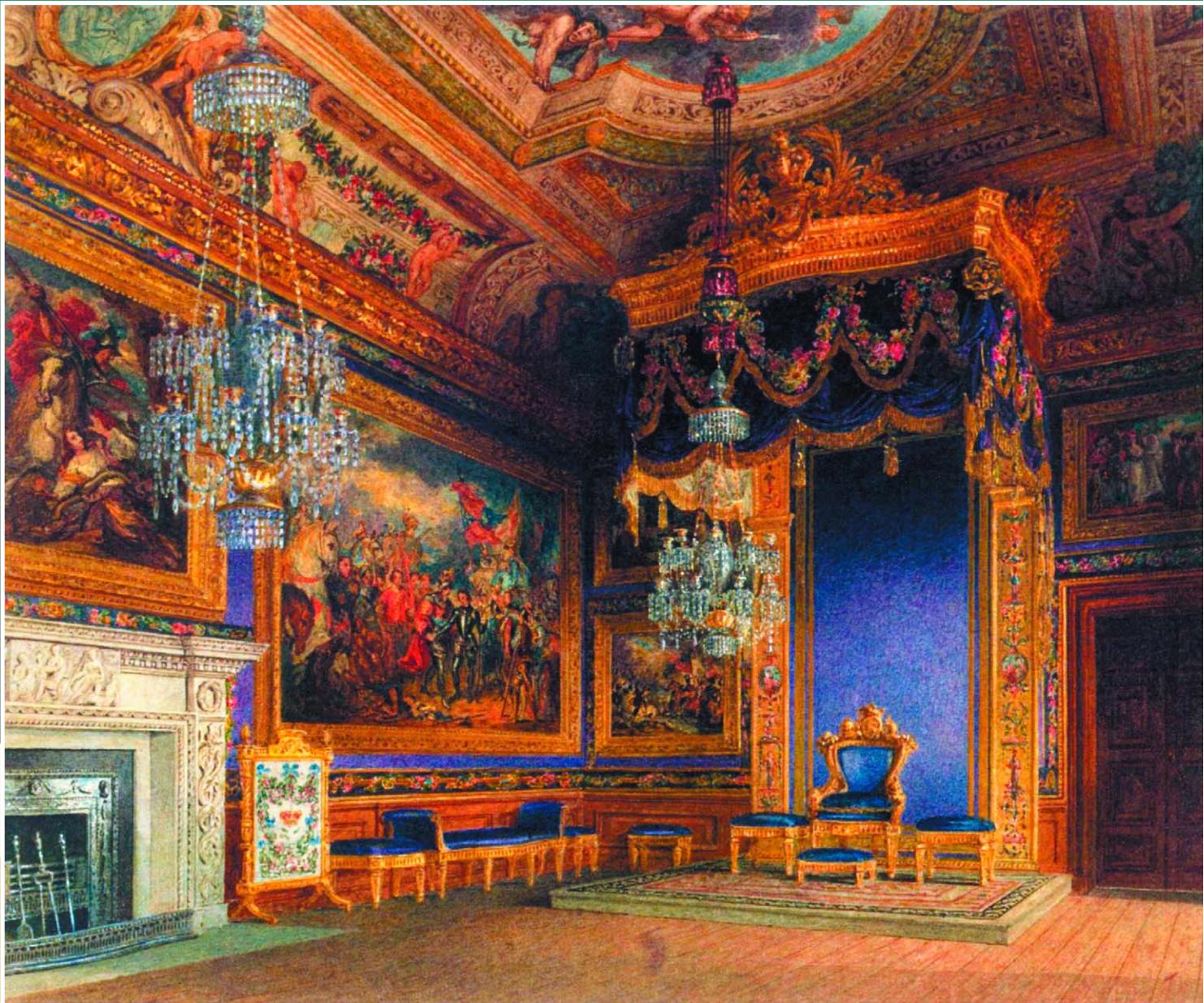

Король Георг IV в гостиной Виндзорского замка. Худ. Дэвид Уилки. 1822 г. Рисунок. Королевское собрание.

Вид зала для аудиенций в Виндзорском замке. Акварель Чарльза Уайльда. 1818 г. → Королевское собрание.

Не будем слишком суровы к Георгу Августу Фредерику, милому «Принни». Он не был самым худшим на свете королем хотя бы потому, что никого не посылал на плаху, не жег из прихоти города и деревни, не уничтожал целые народы, не делал много других вещей, свойственных биографиям великих императоров, строителей империй и завоевателей земель и народов. Наш герой просто не очень хотел заниматься государственными делами.

имел некие смутные намерения поощрять науки, литературу и другие искусства...») и скептические характеристики Пристли («его личный вкус был достаточно сомнительным»), роль Георга IV в английской культуре нельзя недооценивать. Все тот же Пристли не мог пройти мимо того факта, что Георг IV, действительно, «покровительствовал разным художествам, и мы – англичане, многим обязаны ему». Еще будучи принцем Уэльским он сделал все, чтобы его двор был поистине «блистательным», привлекая художников и архитекторов, размещая многочисленные заказы у ювелиров,

портных, мебельщиков, декораторов. Так, благодаря аскетичному детству и легкомысленному тщеславию наследный принц стал крупнейшим заказчиком, покровителем людей искусства и законодателем мод. Во многом именно Георгу IV Лондон обязан своими самыми красивыми домами, улицами и парками. Именно в его время на месте хаотичных средневековых улиц возникли такие элегантные городские магистрали, как, например, знаменитая Риджент-стрит, спроектированная Джоном Нэшем. Будучи практически придворным архитектором принца Уэльского, Нэш оказал

большое влияние на архитектурное решение целых кварталов Лондона. По его проекту создавался живописный ландшафт Риджентс-парка с прилегающим к нему комплексом домов, Парк-сквер, Букингемский дворец (проект и парковый фасад), Парк-Кресцент, Камберленд-террас, королевский театр Хеймаркет. Благодаря Георгу IV захолустная деревушка Брайтон превратилась в модный город-курорт, элегантная дома и улицы которого до сих пор приводят в восхищение туристов. Экзотический облик брайтоновского Королевского павильона – также работа Джона Нэша.

А поэтому не будем слишком суровы к Георгу Августу Фредерику, милому «Принни». Он не был самым худшим на свете королем хотя бы потому, что никого не посылал на плаху, не жег из прихоти города и деревни, не уничтожал целые народы, не делал много других вещей, свойственных биографиям великих императоров, строителей империй и завоевателей земель и народов. Наш герой просто не очень хотел заниматься государственными делами (что ему, собственно, и не давал делать парламент), поскольку считал, что есть занятия и поинтереснее. И, думается, в этом он был совершенно прав.